

Жанна Стафеева

Нет мира в конном мире

Часть 2. Выход?

Жанна Стафеева

**Нет мира в конном мире.
Часть 2. Выход?**

«Издательские решения»

Стафеева Ж.

Нет мира в конном мире. Часть 2. Выход? / Ж. Стафеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935535-5

Пронзительная история человеческой жизни, написанная от первого лица и от чистого сердца. Эволюция любви и ответственности, взаимоотношений людей и лошадей, родителей и детей. Три поколения читателей найдут в этом романе то, что созвучно струнам их души.

ISBN 978-5-44-935535-5

© Стафеева Ж.
© Издательские решения

Содержание

Часть вторая	6
Глава 16	6
Глава 17	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нет мира в конном мире

Часть 2. Выход?

Жанна Стафеева

© Жанна Стафеева, 2019

ISBN 978-5-4493-5535-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-5536-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть вторая Выход?

Глава 16

Так уж получается, что на разных витках моей жизни какие-то события происходят дважды. И какие-то люди, некогда исчезнув из моей жизни, опять в ней появляются. Почему так? Может быть я – нерадивый ученик, не усвоивший урок, и меня заставляют прочитать этот параграф учебника еще раз? Или я – невнимательный зритель, не оценивший красоту момента с первого раза? Или важность этого момента. И жизнь словно предоставляет мне второй шанс увидеть тех же самых людей, много лет спустя. Но уже с другим житейским багажом...

Начало мая. Тут и там тянутся к небесам корабельные сосны. Под ногами песок, засыпанный хвоей и шишками. Справа виднеются бревенчатые конюшни, крытые красной металлочерепицей. Робкое весеннее питерское солнце борется с облаками и проигрывает.

Конный клуб «Комарово». Соревнования по выездке. Я на трибунах в числе немногочисленных зрителей. Так всегда бывает. На конкуре их намного больше. Его динамичное действие интересно самой разнообразной публике, в том числе и неконной. На выездку ходят только те, кому это действительно интересно.

Только перейдя тренироваться к Ирине Лужиной, я наконец поняла, как на самом деле сложна выездка. Как тяжело заставить лошадь проехать схему на правильных аллюрах с четкими переходами. И при этом сам всадник должен помнить езду и сохранять элегантность посадки. Это весьма непросто.

Вот на разминочной площадке лошади и всадницы готовятся к старту – шагают, рысят, галопируют, сокращают и прибавляют аллюры. Снова и снова пара лошадь-всадник выходит на плац, приветствует публику и судей и ...катает одну и ту же программу. Чье исполнение четче и чище, тот и победил.

На этот раз недосыгаем для соперников был рыжий полутяж по кличке Сенат. Кругленький, глубокий в подпруге крепыш с неожиданно легкими, упругими движениями. Взял все самое лучшее у тяжеловозной мамы и арабского отца. «Персик» – нежно звала его Ирина Лузина. Ей очень нравились вот такие лошади. Неформатные для выездки. Особенно, когда эти лошади четко и правильно исполняли указанные в езде

элементы. «Персик» получил честно заслуженную розетку а всадница была на седьмом небе от счастья, поскольку сегодняшняя победа позволила ей получить очередной разряд...

Однако, «задубела» я сидеть на лавке. Ох, Петруша, прорубил бы окно в Европу где-нибудь поужнее.... Я двинулась, поживаясь, к спасительной клубной кафешке в ожидании чашки горячего кофе. И краем глаза зацепила идущую навстречу полноватую женщину. Пригляделась, и что-то в ее облике мне показалось до боли знакомым. Глаза! Большие, с тяжелыми веками. Эти глаза я столько раз видела на фотографиях в разных конных журналах, то опущенные, то улыбающиеся. Елена Владимировна Кочеткова, собственной персоной.

– Здравствуйте, Елена Владимировна!

– Здравствуйте...

– Алевтина, – подсказала я.

– Здравствуйте, Алевтина, – согласилась она.

– Вот, хочу попросить у вас прощения, – продолжила я.

– За что? – удивилась Кочеткова.

– Ну как же, в семьдесят четвертом году чуть не угнала вашу лошадь.

Моя улыбка не оставляла великой чемпионке сомнений в том, что все происходящее – шутка. Она подхватила мое веселое настроение и ответила:

– В семьдесят четвертом? Значит, это был Пепел. И сколько же лет было угонщице моей лошади?

– Четыре года, – гордо ответила я. Мы обе рассмеялись. Я напомнила наполнила ей подробности инцидента. Елена Владимировна задумалась. Улыбка сошла с ее лица.

– Форменное безобразие сажать ребенка на спортивную лошадь! Мало ли что, – развела руками она.

– Полностью с вами согласна. И на вашем месте сделала то же самое.

– Ездите? – перевела она разговор неожиданно.

– Да, пытаюсь заниматься выездкой. С вашего Пепла все и началось. Он перевернул всю мою жизнь.

– Да, он мог влюбить в себя с первого взгляда. Он такой!

Чемпионка замолчала. Видимо, воспоминания нахлынули. Я деликатно отвела глаза.

– И у вас теперь есть свой собственный Пепел? – наконец спросила она.

– Был. Его звали Хуторок. Он погиб два года назад. До сих пор по нему скучаю.

Удивительная была лошадь. Другого такого больше не встретила, занимаюсь пока на арендованных лошадях.

– У кого? – спросила Кочеткова участливо.

– У Ирины Лужиной.

– Ну, вы, Алевтина, Иры держитесь, она крепкий специалист. Удачи вам!

Неожиданно подошедшие судьи увлекли Елену Владимировну в направлении конюшен. Она обернулась и улыбнулась мне на прощанье.

– До свиданья, Елена Владимировна, – помахала я ей рукой, как своей старой знакомой. Да она, в сущности, и была моей старой знакомой. Очень старой. Из далекого детства. Я смотрела ей вслед, и думала этот момент я наконец-то усвоила положенный урок. Не стоит обижаться на тех, кто старше и опытнее тебя, только потому, что ты пока не знаешь правил игры...

– Аля, добрый день! – раздался за спиной бодрый голос Ирины Лужиной, – как договоримся на этой неделе?

– Может быть так же, как и на прошлой – вторник, среда, пятница с шести до полвосьмого? – отозвалась я.

Я тогда ездила на арендованной гнедой голштинской Красе и подумывала о том, чтобы выкупить эту кобылу. Но Краса совершенно случайно оказалась жеребой, и вопрос с покупкой отпал сам собой.

Но далеко не все конные вопросы решались так просто и быстро. Жизнь словно испытывала меня на прочность. Не давала расслабиться, почить на лаврах, утратить бдительность. Надо было постоянно «стоять на стреме». Зазевалась – моментально получила удар в челюсть. Решила одну проблему – получай следующую.

Пристроила в хорошие, как мне казалось, руки своих «бархатных» кобыл, встретила хорошего тренера, которому доверяю, под руководством которого расту, как всадник.. Весенний Бал, О Хара и Масик в порядке. Живи, радуйся, наслаждайся счастьем коневладения. Но как-то было мне неспокойно. Думаю, каждого из нас периодически посещает ощущение беспричинной тревоги. И вроде бы все хорошо, а что-то внутри тебя тикает и подергивает. Что-то крутится и ворочается. И никак не может угнездиться. В последнее время это ощущение часто меня посещало. Я все пыталась понять – что пошло не так? И не могла понять. Разглядеть, в чем подвох. Живу, как в тумане. А что там, в глубине этого тумана? Может, кочка. А может – болото. Оступился. И пиши пропало! И ощущение это не проходило. Оно усиливалось. Растекалось у меня внутри зловещим лиловым пятном...

Рождество. 7 января. Праздника не вышло. Позвонили в конюшни и сообщили, что Бал упал. Для любого конника это значит: «беда»! Лошадь вообще очень редко ложится, особенно если она молодая и здоровая. Даже спит стоя, запирая суставы и расслабляя мышцы. А уж если падает... Мы, конники, не говорим «умерла». Мы говорим «пала».

Сперва Бал «заколосился». То есть у него подозревали колики. Жеребца водили в манеже. Очень важно, чтобы во время колик лошадь не стояла, постоянно двигалась шагом. Бал ходил-ходил и вдруг завалился на бок и подняться на ноги уже не смог.

Сломав голову, я прилетела на конюшню, побежала в манеж. Весенний Бал пытался встать, но тут же падал. В полном «неадеквате» – то колотил по воздуху ногами, кусался, то вдруг принимался жевать сено, которое под него пытались подсунуть. Чтобы не на холодном лежал. В душу прокралась предательская мысль: он не жилец!

Жеребец тяжело дышал, скрипел зубами. Коновод Лена притащила все теплые попоны, все какие были, чтобы согреть несчастного. Но Бал продолжал колотить ногами и попоны сбросил. Ленка кинулась накрывать его снова.

За пару часов до Бала похожие симптомы проявились еще у одной лошади – караковой Мексики, а вскоре и еще у четырех лошадей этой конюшни. Стало понятно – массовое отравление. Позже выяснилось, что в сене был мышьяк...

На конюшнях не делают анализов кормов. Привозят сено. Если оно не плесневелое – его скармливают лошадям. Иногда скармливают и плесневелое, я сама видела. А где это сено было скошено, где оно валялось, пока не попало на конюшню – одному Богу известно.

Из промерзшего манежа жеребца было решено перетащить в денник и попытаться подвесить к потолку. Легко сказать! Тащить надо было метров сто. А веса в нем было килограмм шестьсот, не меньше. Дело осложнялось тем, что Бал все еще бился. Тащили беднягу, пока он был относительно спокоен, потом пережидали приступ.

Под жеребца подсунули попоны и тащили вдсятером. Мне опять досталась голова. Надо было держать ее и следить, чтобы Весенний Бал не ободрал голову о порог и бетонный пол конюшни.

У меня жутко подскочило давление, и моя собственная голова просто раскалывалась. Я терпела и делала все, что нужно, но глубоко в душе чувствовала, что все бесполезно. Все напрасно. Бал уходил...

Ему не помогали ни капельницы, ни уколы. Другие лошади съели меньше отравленного сена. Их владельцы постоянно сидели рядом со своим любимцами, не давая им выбить катетер из вены. Их удерживали на ногах, обложив тюками с сеном. Так и дежурили сутками.

В критическом состоянии находились двое – Весенний Бал и Мексика. Владелица Мексики, маленькая блондинка Оля была просто раздавлена горем. Я уже понимала, что нам с ней не избежать трагического финала, и пыталась утешить ее, как могла. Я помнила ее еще по племферме «Русско-Высоцкая». Рассказывала, какой очаровательной Мексика была жеребенком.

Мать караковой без отметин Мексики – гнедая Мэри, была отличной траккененской маткой. Я ездила на ней в поля и помню ее широкий устойчивый ход и мягкие аллюры. Отец – гнедой Крах, или «крантик», как звали его на конюшне – жеребец очень импульсивный, с удивительно породной головой. И свою безупречную линию верха и красивую голову Крах стойко передавал своим детям. «Крантики» были картинистые, отлично прыгали и быстро раскупались годовичками и двухлетками. Маленькая стригунишка Мексика была очаровательна. Потом она превратилась в ладного общительного годовичка и быстро приглянулась частным владельцам. Дальше – все, как обычно – заездка, тренинг молодой лошади, конкурные тренировки, выезды в поля. Счастливые моменты коневладения покупка конных причиндал, чистка, седловка, разминка. Для кого-то эти слова ничего не значат, но для конника все это впечатления и воспоминания. С каждой лошастью, которой ему доводилось владеть.

И вот теперь эта выращенная, влюбленная лошадь уходила. А ее хозяйка сидела рядом с ней, плакала и гладила Мексику по голове, не зная, как облегчить страдания ее любимицы. Мексика лежала на сене и уже еле дышала. Она «закололась» на несколько часов раньше Бала. Ее сразу подвесили к потолку специальным устройством из ремней и цепей, но это не помогло. Только пережимало брюхо, причиняя Мексике дополнительные страдания. Теперь кобылу освободили, чтобы дать умереть спокойно. Беленькая Оля, шатаясь, вышла из конюшни, подставив опухшее от слез лицо падавшему снегу.

Бал еще был жив, но очень слаб. На третьи сутки начались пролежни, и ветврач начал настаивать на эвтаназии. Но мы боролись до конца, пытались подвесить его в деннике. Пока я бегала за подмогой на соседнюю конюшню, Бал скончался. Юра и Вета, хозяева гнедой Зары, которым, в итоге, все-таки удалось тогда спасти свою красавицу, помогли мне, как могли. Когда я прибежала с подсобниками-узбеками, было уже поздно. Юра подошел ко мне сзади, взял меня за плечи и тихо сказал:

– Аля. Все кончилось. Не смотрите на него...

Я знала: зубы Весеннего Бала обнажились в жуткой улыбке...

Приехавший на вскрытие ветеринар чуть не выронил сигарету, увидев меня. Когда-то она помогала мне спасти Хуторка. Питер – город маленький. Особенно Питер конный.

– Как! У одного и того же владельца погибают две молодые и здоровые лошади? Так не бывает.

К сожалению, бывает. И почему-то это случилось именно с моими лошадьми. Мне предстояло понять, что я упорно делаю не так. Я не верила в стечение обстоятельств и считала виноватой именно себя.

Вскрытие Весеннего Бала и Мексики подтвердило диагноз отравления мышьяком.

Надо было срочно решать вопрос с телом. Конюхи предложили вызвать собачников и отдать жеребца на корм собакам, а похоронить только голову. Я посмотрела на них, как на больных.

– А что? Мы всегда так делаем... – удивились они.

По закону надо было везти Бала на утилизацию. Вот только эта контора, конечно, принимала лошадей, но только расфасованных в пакетах по пятьдесят килограмм!

В этот момент мне казалось, что весь мир сошел с ума. И что беспокойство мое было не напрасно. В коварном тумане все-таки оказалась жадная, безжалостная гать. И я уже погрузилась в эту вязкую черную болотную воду и меня медленно затягивает в глубину, а дно...

Бала расчленили узбеки... Ободранный грузовик, фыча, увез то, что когда-то было прекрасным животным, а сейчас должно было обратиться в прах.

Перед глазами проплывала вся жизнь тракененской лошади по кличке Весенний Бал – от Бархата и Виверии. Вот он нескладный пузатенький жеребенок-отъемыш, сраховидный годовичок, роскошный густой пятилетний жеребец на превосходных движениях. В возрасте шести месяцев Балу удалось избежать смерти на бойне мясокомбината. А теперь он ушел, не дожив до своего шестого дня рождения всего несколько дней. И не раскрыл своих несомненных спортивных талантов, не оставил потомства. А мне остались только липкие угрызения совести за то, что в этой истории я опять недосмотрела, недоработала, недолюбила эту лошадь. И как вообще теперь жить дальше?

Содержать лошадь дорого и хлопотно, а похоронить ее – вообще проблема. Счастье коневладения всегда сопряжено с массой огорчений и разочарований. Лошадь – это, как ребенок. Она так же болеет, и при этом не может объяснить, что у нее болит. Она, как дитя малое,

нуждается в доброжелательном и добром учителе, ей нужна специальная одежда и обувь, то есть всякие седла, уздечки, корды, недоуздки, попоны, ногавки, подковы, кабуры.

И ее тоже нужно очень сильно любить, даже если она безобразничает и шалит.

Собственная лошадь – это вовсе не предмет престижа. Это огромная ответственность. За беззащитное животное, бесконечно вам преданное. И вы никогда не будете на сто процентов уверены, что в ваше отсутствие о ней будут по-настоящему заботиться.

Многие профессионалы конного мира воспринимают лошадь иначе – как средство реализации собственных амбиций, своих, далеко не всегда благовидных целей, а некоторые спортсмены вообще считают, что лошадь – это спортивный снаряд. Именно поэтому так много лошадей «вставших» и не желающих прыгать, лошадей с сорванной психикой, лошадей с жуткими и безобразными травмами.

Помню одного тренера в клубе «Ольгино», где стоял мой незабвенный Хуторок. Я выехала шагать на разминочное поле, а на боевом уже прыгал мастер. Судя по хлопьям пены на груди чистокровного Рожка, прыгал он давно. Из гнедого этот конь стал почти черным. Мы с Хуторком отшагались, отработали минут сорок, снова отшагались и пошли заводиться. «Мастер» спешился, снял седло, перестелил сухой вольтрап и прыгал еще часа два. А потом довольно заявил коноводу, бросив ему несчастное животное, что хорошо зарядился. Рожок минут двадцать не мог переступить порог конюшни. Спину «мастер» ему оторвал окончательно...

Лошадей губят не только амбиции человека, но и его алчность. То сено, в котором был мышьяк, скверно пахло, но его скормили, желая сэкономить. Конюхи, было, запротестовали, но натолкнулись на глухое сопротивление руководства. Итог был печален; два трупа и полтора десятка других лошадей-инвалидов, которые уже никогда не станут полноценными и не смогут раскрыть всех своих спортивных задатков.

Моим Харлею и О Харе повезло. Они предпочли остаться голодными, чем есть это странное сено. Их анализы были совершенно чистыми. Из трех моих лошадей две остались в живых.

Хозяйка конюшни «Экополи» Юлиана моих претензий не приняла.

– Мои лошади тоже пострадали, – гордо заявила она, поджав губы и вздернув подбородок.

Сил на то, чтобы скандалить и «качать права», у меня не осталось. Я просто забрала Харлея и О Хару на другую конюшню, заплатила за отравленное сено и утилизацию моего бедного Весеннего Бала и молча ушла.

Позвонила Марии Латыниной в Москву. Спортсменка была неподдельно расстроена моими печальными новостями. Помолчали, погоревали, пожелали Балу зеленых лугов.

Я долго думала, чем же я вызвала такой удар судьбы. Почему и Весенний Бал тоже ушел? Может быть, это был убыток, жертва. И довольно весомая, поскольку перед смертью Бал «тянул» тысяч на пятнадцать евро. Но за что? Почему? И почему в моей жизни наступила черная полоса? Когда в жизни человека накапливается много вопросов, на которые он не может ответить себе сам, ему требуется найти на них ответы хоть у кого-нибудь!

Каждую ночь, ложась спать, я просила Рафаила посетить меня. Но посланник Божий упорно не желал нашей новой встречи. Словно я была ее недостойна. А ведь я на самом деле не ходила в храм на исповедь и причастие. Может в этом все дело?

Меня крестила бабушка Антонина Павловна в возрасте шести месяцев. В Никольском соборе. Но святое причастие, следующее за крещением, не последовало. Так я и жила, не причащаясь и не исповедуясь, все эти годы. Была робкая попытка причаститься и исповедаться. Но священник Церкви святой Татьяны, что на Васильевском острове, причащать меня отказался. Ибо я не посетила службы накануне. А откуда мне знать, что полагается отстоять службу перед святым причастием? Все общеизвестные церковные каноны были мне неведомы. Я понятия не имела, что нужно готовиться, читать молитвы, ложиться спать натошак и приходить

к Литургии, ничего не съев и не выпив. В Святом причастии мне отказали. Я смирилась и больше попыток не предпринимала. Сведущих в церковных вопросах людей среди моих знакомых не было. И жила бы и дальше, если бы не одна из моих заказчиц.

Наталья Игоревна пришла в мою компанию с претензией. Строители недотянули пару шурупов при монтаже ее металлической кровли, то есть «накосячили». Крыша подтекала. Заказчица была страшно недовольна. Вопрос решили быстро. По моему распоряжению на объект «выдвинулся» опытный кровельщик с шурупвертом.

Разговор утратил напряженности и переместился в совершенно другую плоскость. Точно сей инцидент был только поводом для этой женщины, чтобы появиться и протянуть мне руку помощи. Потому что нет у Бога других рук кроме человеческих.

Наталья Игоревна была прихожанкой церкви в Левашово. Узнав о безвременной кончине Весеннего Бала, она сказала:

– Надо вам, Алечка, к отцу Александру нашему. На исповедь, на причастие. Он человек мудрый и добросердечный. Он поможет, поддержит.

Я купила молитвослов, нашла молитвы для подготовки к Святому причастию и начала готовиться к Таинству. Что же батюшку зазря беспокоить? Надо прийти на исповедь, помолвившись и натошак.

Церковь в Левашово – перестроенное здание полуразрушившегося детского садика. Храм строили всем миром, то есть отец Александр с прихожанами. Как его найти? Да очень просто. Если вы приедете в Левашово на электричке, то идите от станции направо, потом прямо, а потом увидите деревянное здание синего цвета. А за этой маленькой пристройкой, где живет сам отец Александр, и стоит Храм. Если вам это действительно надо – ноги сами вас приведут... Вытирайте ноги о цветастый половичок, покупайте свечки и проходите в Храм. Я уверена, ощущение благодати, царящее в этой маленькой деревенской церкви, не оставит вас равнодушным.

Отцу Александру за семьдесят. Но морщин на лице нет, как часто бывает с людьми, прожившими достойную жизнь. Настоящий батюшка. Глаза добрые и пронизательные. Я стою в очереди на исповедь. Вот отец Александр жестом приглашает меня подойти. Я в панике. Не знаю, в каких грехах каяться. Сколько же их накопилось за мою долгую жизнь! С чего начать? Перечислять все? Просто не знаю, как быть.

Вместо меня на исповедь проходит следующий прихожанин. Покрыв его голову вышитым фартуком, отец Александр что-то шепчет ему, и человек, посветлев лицом, отходит. Отец Александр снова жестом приглашает меня подойти. Я опять в нерешительности замираю. И опять к священнику подходит другая прихожанка.

Наталья Игоревна подбирается поближе ко мне. Когда моя очередь подходит в третий раз, она легонько подталкивает меня. Я подхожу к отцу Александру.

Я уверена, что отец Александр – священник прозорливый. То есть ясновидящий. А иначе, откуда он мог знать, что на тот момент являлось для меня самым главным. Он видел меня впервые, совершенно ничего про меня не знал. Тем не менее, он задал мне единственный вопрос:

– Почему вы на свою маму так обижаетесь?

И это была чистая правда. Детская обида прочно засела в моей душе. Я так старательно зарыла ее поглубже. Внешне – успешная бизнес-леди Алевтина Адажий, а внутри просто маленькая обиженная девочка. Но батюшка то все видел. Для него это была совсем не тайна.

– Вы уж маму свою простите. И вам будет легче, и ей. Нельзя жить с такой тяжестью на сердце. Обещаете? А потом приходите, мы с вами еще поговорим. Он водрузил мне на голову передник и ...отпустил мои грехи. На душе стало легко и светло.

Уж и служба закончилась, а я продолжала стоять в каком-то блаженном оцепенении, а потом подошла к отцу Александру. Хотела я его спросить, почему погибли Хуторок и Весенний Бал. Мне казалось, что уж он то точно знает, почему. Но и он не знал. Или знал, но не сказал.

– На все воля Божья, – произнес он, вздохнув, – У меня есть кое-что для тех, что живы. Отец Александр отлучился ненадолго и вернулся с двумя редкими иконами. Флора и Лавра – покровителей лошадей. Две иконы я повесила на стены денников Харлея и О Хары. А третью забрала домой. С тех пор во время домашней молитвы я мысленно обращалась и к Флору и Лавру. Потому что лошади для меня такие же мои дети, как Лиля. Пока еще мои. Но содержать их становилось все сложнее.

Компания теперь приносила гораздо меньше дохода, а расходы на содержание лошадей росли и росли. Дорожали корма, больше просили за работу берейторы, все время повышалась плата за аренду денников. Две лошади уже были непосильным бременем для меня.

И если О Хара регулярно получала призовые за победы в соревнованиях, то Хрюша был конкретным нахлебником. При этом О Хара была лошастью конкурной, а Хрюша – меринком хобби-класса. Прощайте мои занятия выездкой! Индивидуальные тренировки и езда в дамском седле была уже в тот момент недоступно дорогим удовольствием для меня. Две собственные лошади, а ездить не на ком. Это была суровая правда.

А как же быть с эмоциями? Хрюша – сын трепетно любимого незабвенного Хуторка. О Хара – мой первый жеребенок, выращенный с рождения. После всех треволнений и душевных метаний я пришла к выводу, что О Хара пока остается, а Хрюшу я продам. Но исключительно в хорошие руки.

Начались звонки и просмотры. Харлеем очень заинтересовалась девушка по имени Карина. Ей был нужен конь для души и любительского спорта. Молодой, здоровый, адекватный, с мягкими аллюрами. Мы договорились на просмотр. Хрюша вышел на плац. Настоящий красавчик – волнистый хвост на отлете, глазки-бусинки. Пошел направо, отфыркиваясь. Карина не сводила с него глаз. Харлей двигался красивой рысью, энергично поднялся в галоп, несколько раз прыгнул. Показав себя во всей красе, он подошел к Карине, «убрал» сахар с ее ладони. Толкнулся носом в плечо. Поладили!

Запрошенные мною двести пятьдесят тысяч рублей Карину не испугали, и она взяла недельный тайм-аут для того, чтобы снять деньги со счета.

В эту роковую неделю выяснилось, что Карина беременна, и что при таком раскладе лошадь ей уже не нужна. Сезон продажи лошадей – весна и начало лета. Время было упущено, новых покупателей не находилось. Конь стоял, вводя меня во все большие траты. Денег постоянно не хватало, и Хрюша уже конкретно меня «объедал».

А новый хозяин все не находился и не находился. На мою беду, прикрепленный берейтор Нина, очень привязалась к Хрюше и делала все, для того, чтобы я не продала Харлея. Закончилась осень. Конь опять остался на моем иждивении.

Ситуация в моей компании была – хуже некуда. В середине лета я взяла на работу некоего Юру. Его порекомендовала моя подружка Аленка. Я тогда отчаянно и безуспешно искала замену Вале и очень надеялась найти ее в юрином лице. Юра работал раньше в парфюмерном опте, опыта в нашей сфере не имел, но рьяно взялся за дело. Надо было как-то оправдывать зарплату в две тысячи долларов, которую он для себя потребовал. Первые два месяца все шло неплохо – Юра старался, ездил на встречи, строчил предложения по улучшению деятельности моей компании. Потом я отлучилась в Лондон на две недели.

Вернувшись, я обнаружила, что за это время в фирме совершенно не было продаж.. Пришлось срочно брать кредит в триста тысяч и затыкать дыры в бюджете. Еще я выяснила, что Юра заработал дешевую популярность у коллектива за счет принижения моего авторитета. Мой несостоявшийся зам умудрился буквально развалить коллектив за такой короткий период.

Сам он изрядно обнаглел и позволял себе даже орать на меня в присутствии моих подчиненных. Он, конечно, говорил дельные вещи, но вот та форма, в которой он подавал мне информацию, буквально настраивала меня против него. Держать его дальше было бы неразумно. Я спокойно предложила ему уйти. В этот момент Юра, видимо, спустился с небес на землю.

Очевидно, что он решил, что я без него никуда и буду все это терпеть. Отрезвление его было моментальным. Но дело то уже сделано. Компромисс невозможен. Я опять взяла человека на работу, даже не наведя о нем справки у предыдущего работодателя. Впрочем, спрашивать было не у кого – фирма-то парфюмерная обанкротилась. Но мне все же надо было все же хотя бы попросить телефон человека, который мог дать Юре рекомендации. Кроме Аленки. Беда в том, что Алена никогда не видела Юру в деле и не могла судить о нем, как о специалисте. Общалась она преимущественно, с Юриной бывшей женой и с самим Юрой была знакома шапочно. Аленке искренне хотелось помочь мне найти надежного человека. К сожалению, Юра им не был.

Более того, Юра оказался еще и непорядочным. Он быстренько открыл конкурирующую контору и, пропустил через нее уведенных из моей фирмы клиентов. Может быть, он нарочно нарвался на увольнение, чтобы воплотить в жизнь свои планы. Чужая душа – потемки!

Но свое черное дело он сделал – подорвал мой авторитет и внушил сотрудникам деструктивные мысли. Они косяками «повалили» в другие фирмы. Моя компания разваливалась. У меня осталось всего шесть человек, включая офис-менеджера и моего личного водителя. Продажи существенно упали.

Жирные года закончились, наступили тощие. Мелкие и крупные заботы докучали, словно зубная боль.

Глава 17

Я снова собиралась в Лондон. Поводов для поездки было два – Валин день рождения, тридцатилетний юбилей, и новая встреча – с англичанином Крисом. Познакомились мы с ним в караоке-баре турецкого Мармариса, где я отдыхала от праведных трудов. Когда-нибудь расскажу эту историю в красках. Но если кратко, то я слегка увлеклась английским диджеем одного из караоке-баров. Вспомнила, что умею лучезарно улыбаться, и что тридцать три года – это самый расцвет сил. Пели мы неделю. Сливались в певческом экстазе. А потом хозяин бара недвусмысленно дал мне понять, что мальчонка – его любовник, и мне совсем ничего не светит. Очень разнузданные нравы на этом Диком Западе. Никогда не знаешь, откуда прилетит...

Остаток отпуска надо спасать. Днем я пропадала на экскурсиях, а по вечерам ходила петь в другой караоке-бар – посолиднее и побольше. Там ко мне прилип весьма габаритный усатый джентельмен и попытался со мной заговорить, перекрикивая выступление очередного исполнителя. Усатый делал комплименты моему голосу и попытался угостить меня коньяком. Я ответила, что уже уйду. Тот принялся что-то объяснять, размахивая руками. Его заглушил шум аплодисментов. Я разобрала только что-то про телефонный номер. Телефон я ему не дала, но написала свой эмейл на картонной подставке под пивной бокал...

Усатый оказался англичанином, и звали его Кристофер, точнее, сэра Кристофер Гордон Трумен, поскольку он был ...лордом Ровером. Было прикольно: в первый раз в жизни познакомилась с настоящим лордом. Да еще при таких обстоятельствах! Лорд писал мне теплые и душевные письма. Их было по несколько в день. Иногда я его не понимала, и мне приходилось брать за англо-русский словарь, но это было весьма полезно – расширить свой словарный запас. Ему было пятьдесят один, столько же, как тогда на Пхукете лысому Питеру. Только тогда колоссальная разница в возрасте меня напугала, а сейчас я отнеслась к новому знакомому довольно благосклонно. Мне нравилось его искренне внимание к моей персоне, и то, что он про себя рассказывал. Дескать, был разведен, имел дочь Шарлоту двадцати трех лет, и у него с дочерью были очень доверительные и теплые отношения. Жил он где-то между Лондоном и Брайтоном в Южном Бромли и был генеральным директором и совладельцем небольшой авиакомпании. Мой интерес к Крису весьма подогрела моя новоиспеченная англичанка Валя. Она в тот момент как раз была в Питере по работе. Мы встретились в суши-баре, как обычно. Валя любила суши. Когда надо было делать заказ, она сказала взволнованно:

– Мне пять, то есть шесть, то есть семь суши с лососем...

– Я принесу шесть, а там можно будет заказать еще, – ответил ей официант. Валя еще не знала про суши-бар рядом с Карендиш Сквер, где набор суши стоит всего шесть с половиной фунтов.

– Лорд! Это круто! Адажий!, ты делаешь успехи! Надо будет обязательно с ним познакомиться.

Тем временем Крис писал мне уже по пять писем в день, я ему с готовностью отвечала. Это были письма человека близкого мне по духу, похожих взглядов и даже гастрономических пристрастий. Он тоже любил лосося в соево-лимонном соусе, холодное Шабли, морепродукты, зеленый салат и черные крупные маслины. Я дала ему номер своего мобильного, и Крис часто звонил мне или присылал трогательные шуточные сообщения. Не скрою, что этот эпистолярно-телефонный роман не на шутку меня увлек. Кристофер твердил о своих чувствах ко мне и настойчиво интересовался, как я отнесусь к перемене места жительства. Мне казалось, что я была совершенно готова к переезду. Меня не держал мой бизнес, поскольку я давно уже утратила интерес – и к управлению, и к зарабатыванию денег. Моя дочь и мои лошади поехали бы в Англию вместе со мной, а именно они и составляли мой маленький мирок, без которого бы я чувствовала себя потерянной. Мне очень хотелось жить в маленьком старинном

домике с садиком, скакать по утрам по зеленым английским лугам, заниматься творчеством и не думать об отчетах в налоговую, увеличении продаж и «взбрыках» моего персонала, о контрактах с поставщиками и скидках для клиентов. Я работала с четырнадцати лет и немного «заработалась» за это время. Остро хотелось передышки.

Сэр Кристофер Гордон Трумен встречал меня в аэропорту Хитроу. Мне на мгновение показалось, что он при свете дня он очень плохо выглядит. Гораздо хуже, чем тогда в Мармарисе, в полутьме караоке-бара. Но я прогнала эту мысль подальше. Все-таки, мы с ним встретились после трехмесячной переписки. Надо радоваться этой встрече, а не искать в мужчине недостатки. Крис погрузил мой чемодан в свой большой черный джип и повез меня в паб обедать. Я пила свой любимый «Гиннес» и наблюдала за Крисом. Я смотрела на него и никак не могла понять, почему у него слезятся глаза, как у старика. С самого начала мой лорд начал предъявлять на меня мужские права. Я не была готова вот так, с места в карьер, развивать отношения и предпочла не замечать его притязаний. Мы гуляли, разговаривали. Но, как я не старалась, я так и не смогла разглядеть в нем мужчину. Для меня он был просто друг. Немолодой друг... Говорил он много, сбивчиво, торопливо, словно опасаясь, что его перестанут слушать. Как-то несолидно для лорда. И для директора. И вообще меня начал грызть червячок сомнения. Что-то меня в этом человеке очень смущало и напрягало. Я так и не смогла в тот день понять, что.

Я сослалась на усталость и сказала, что хочу отдохнуть. Лорд послушно отвез меня в гостиницу.

И буквально через пять минут прибежала Валюшка. В очаровательном пальто светло-изумрудного цвета с круглыми прорезными карманчиками. Купила его в Париже в аутлете. Выглядит, как обычно – супер! Мы обнялись. Валя была в шоке меня, помолодевшей.

– Вау! Аля! Ты сейчас выглядишь даже моложе чем десять лет назад, когда мы познакомились в фирме у Слатвинского! – воскликнула она.

Это было правдой. Некоторые из моих знакомых даже перестали меня узнавать. В моей внешности что-то изменилось, точно следы последних восьми лет непростой жизни были стерты с моего лица. По уже установившейся традиции, мы с Валею завернули в маленький, очень старый паб и пили мой приветственный «Гинесс»..

– Адажий! Колись, что за парень? Ей почему-то казалось, что я преобразилась из за мужчины.

– Да нет никого, про кого ты не знаешь, – сказала я, подсаживаясь к стойке бара.. Валюшка крутилась ужом, пытаясь вызвать меня на откровения, но я упорно молчала. Рассказывать про фиаско на личном фронте всегда непросто. Да и что рассказывать? Я и сама толком не поняла, что это было с ди джем – роман или не роман. А только стоял перед глазами тридцатилетний парень с ослепительно белой кожей, удивительно похожий на молодого принца Вильяма. Кстати, звали его Гэрри. Как второго из принцев, рыжего и конопатого, удивительно похожего на своего отца. Такая вот котовасия!

– Ну, а что там наш лорд? – спросила Валя.

Я поделилась с ней своими сомнениями по поводу Криса. Тогда Валюшка предложила завтра встретиться вчетвером, благо, был повод. «Кертис» устраивал дневной прием по случаю очередного аукциона.

На приеме должен был быть и Тони, Валюшкин английский муж. Решено было пообедать вчетвером после мероприятия, дабы Валя и Тони могли познакомиться с моим лордом поближе и выяснить, чем он дышит на самом деле.

– Тони быстро разберется, что за мужик этот Крис, и можно ли ему доверять, – сказала Валюшка, вручая мне приглашение на две персоны.

Наутро в половине двенадцатого Крис заехал за мной в отель и отвез меня на Бонд-Стрит, где располагался аукционный дом. По всему выходило, что мой «аристократ» не слиш-

ком часто посещал подобные мероприятия. Крис был одет в костюм, который давно уже вышел из моды и выглядел в нем совершенно нелепо. Видимо, авиакомпания у него была очень маленькая, и официальный стиль одежды был там не принят. Как же иначе объяснить наличие у Криса костюма, который надо было отдать Армии Спасения еще лет десять назад.

Тони, Валин муж, напротив, был одет модняво и молодежavo. Он отнесся к Крису весьма дружелюбно, а вот Валюшка была явно разочарована и раздосадована. Наметанным женским взглядом она уже определила, что Крис – совершенно не тот человек, за кого себя выдает. Но она изо всех сил старалась не подать виду. Тони отвел меня в сторонку и ткнул пальцем в визитную карточку Криса. Собственно говоря, у Криса было две карточки – одна с должностью авиакомпании и вторая – с титулом. Я взглянула на карточку с титулом и остолбенела – герб моего дорого лорда « позаимствовал» верхнюю часть герба национальной сборной Англии по футболу. И еще на нем отсутствовал девиз. Это было даже не странно, а уже как-то смешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.